

МАЛАЯ ПРОЗА КАК ФОРМА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ГОРОДСКОГО ОПЫТА В УЗБЕКСКОЙ И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Хамраева Дилафруз Жураевна,

*преподаватель кафедры русского языка и литературы
Каршинского государственного университета*

Аннотация. Статья исследует малую прозу как форму репрезентации городского опыта в русской и узбекской литературах XX–XXI веков. Анализируются особенности «городской прозы» в русской литературе (А. Чехов, Ю. Трифонов, В. Маканин, Л. Петрушевская) и урбанистических мотивов в узбекской прозе (А. Каххар и др.). Особое внимание уделяется Ташкенту как символу модернизации и культурной гибридности. Проводится сравнение общих приёмов (фрагментарность, город как активный персонаж) и национальных различий (отчуждение и память в русской традиции versus адаптация и общинность в узбекской). Подчёркивается актуальность темы в контексте современной урбанизации.

Ключевые слова: малая проза, городской опыт, городская проза, урбанизация, культурная гибридность, сравнительный анализ.

Введение

Малая проза (рассказ, новелла, короткая повесть) – это литературная форма, идеально приспособленная для передачи динамики и фрагментарности современного городского опыта. В условиях ускоренного ритма жизни, плотности населения, постоянных социальных взаимодействий и внутренних конфликтов большой город не требует эпического размаха: достаточно лаконичного, точного штриха, чтобы передать атмосферу улиц, психологию толпы и трансформацию человеческого сознания.

В русской и узбекской литературах XX–XXI веков малая проза стала мощным инструментом осмысления урбанизации. Русская «городская проза» 1960–1980-х годов фокусируется на моральных дилеммах московской и ленинградской интеллигенции, отчуждении и памяти. Узбекская малая проза отражает специфику Средней Азии: переход от сельского традиционного уклада к советскому индустриальному городу (прежде всего Ташкенту), культурную гибридность и сохранение национальной идентичности в урбанистической среде.

Русская литература издавна развивала «петербургский текст» (Гоголь, Достоевский) и «московский текст». В малой прозе город предстает как живое, часто враждебное или равнодушное пространство. Антон Чехов заложил традиции. В рассказе «Дама с собачкой» (1899) Ялта и Москва становятся фоном для случайной любви, подчеркивая одиночество в толпе: «В провинции жизнь, как известно,

MODERN PROBLEMS IN EDUCATION AND THEIR SCIENTIFIC SOLUTIONS

скучна, однообразна...». Город у Чехова – это пространство, где герои сталкиваются с абсурдом повседневности.

В XX веке расцветает городская проза. Юрий Трифонов – её признанный лидер. В повестях и рассказах («Обмен», 1969; «Предварительные итоги», 1970; «Долгое прощание», 1971) Москва изображена как лабиринт моральных компромиссов. Герои-интеллигенты вынуждены «обменивать» принципы на квадратные метры. «Люди, умеющие гениальным образом быть никакими, продвигаются далеко. Вся суть в том, что те, кто имеет с ними дело, довоображают и дорисовывают на никаком фоне всё, что им подсказывают их желания и их страхи» (Трифонов). Город здесь – не просто фон, а катализатор нравственного падения.

Владимир Маканин в рассказах и повестях («Ключарев и Алимускин», «Где сходилась небо с холмами») исследует маргиналов большого города, конфликт «почвы» и «поверхности». Город для него – пространство отчуждения, где личность растворяется в массе.

Людмила Петрушевская в «маленьких» рассказах («Гигиенистка», «Свой круг») показывает бытовой ужас коммуналок и панельных домов: нищету чувств, алкоголизм, семейные драмы. Городской опыт – это выживание в тесноте. Андрей Битов развивает «петербургский текст», где исторические слои города довлеют над современным человеком.

Узбекская литература XX века активно осваивала малые формы для отражения социальных перемен. После 1917 года и особенно после землетрясения 1966 года Ташкент превратился в символ новой жизни: реконструкции, интернационализма и модернизации.

Абдулла Каххар (1907–1968) – мастер узбекского короткого рассказа. Его произведения («Синчалак», «Мухаббат», «О’тмишдан эртактар») тонко передают психологию горожан. Каххар избегает деклараций, используя детали для шокирующего эффекта. В его рассказах город – место столкновения традиций и новизны: махалля против многоэтажек, старые обычаи против советской идеологии. Он пишет о женщинах, выходящих из затворничества, о мигрантах из кишлаков, адаптирующихся к городскому ритму. Один из мотивов: город «меняет людей, как река шлифует камни», подчеркивая неизбежность трансформации.

В сборнике «A Collection of Uzbek Short Stories» (переводы Махмуды Сайдумаровой) ярко представлен городской опыт. Рассказ «The Bride from the City» показывает конфликт между городской невестой и сельской родней: новые ценности, образование, свобода против патриархата. Другие истории (Гафура Гуляма, Саида Ахмада, Хайриiddина Султонова) рисуют ташкентские базары, трамваи, послевоенные стройки как пространство культурного синтеза.

Современные узбекские авторы продолжают эту линию, добавляя постсоветские реалии: рыночную экономику, миграцию в большие города, влияние глобализации.

MODERN PROBLEMS IN EDUCATION AND THEIR SCIENTIFIC SOLUTIONS

Малая проза позволяет фиксировать быстрые изменения без потери лиризма и национального колорита.

Сравнительно-сопоставительный анализ. Общее: фрагментарность повествования, соответствующая ритму города; город как активный «персонаж», влияющий на психологию героев; тема «маленького человека» в большом пространстве; использование деталей быта (коммунальные квартиры в русской прозе, махалля и новые кварталы – в узбекской).

Различия: русская городская проза чаще критикует систему через внутренний мир интеллигенции (трифонов: моральные дилеммы). узбекская – акцентирует социальный оптимизм и культурную преемственность (каххар: гуманизм в изменениях); в русской традиции сильнее экзистенциальное одиночество; в узбекской – семейные и общинные связи, трансформирующиеся под влиянием города; временной аспект: русская проза часто работает с памятью и историей (битов), узбекская – с настоящим и будущим модернизации.

Обе литературы используют малую прозу для преодоления цензурных ограничений: через подтекст и детали можно сказать больше, чем в крупной форме.

Заклучение

Малая проза в русской и узбекской литературах доказала свою эффективность как форма репрезентации городского опыта. Она захватывает мимолетность впечатлений, глубину психологических конфликтов и широту социальных процессов. В эпоху глобализации и сверхурбанизации изучение этих традиций особенно актуально: оно помогает понять, как литература помогает человеку ориентироваться в меняющемся мире.

Перспективы исследований включают сравнение постсоветской городской прозы двух культур, анализ женских голосов в урбанистическом нарративе и влияние цифровой реальности на новые формы малой прозы.

Список использованных источников (сноски):

1. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 10. М., 1977. С. 128.
2. Трифонов Ю.В. Собр. соч.: В 4 т. Т. 2. М., 1985. С. 156.
3. Buvakin S.V. Городская проза как феномен... // Актуальные исследования. 2025. №36. С. 38–42.
4. Qahhor A. Selected Stories. Ташкент, 1970-е. (Переводные издания).
5. Saydumarova M. (comp.). A Collection of Uzbek Short Stories. AuthorHouse, 2012. P. 42–45.
6. Маканин В.С. Избранное. М., 1990. С. 89.

MODERN PROBLEMS IN EDUCATION AND THEIR SCIENTIFIC
SOLUTIONS

7. Aliyevna, Buranova Jamila. "Dastan "Gorogly"—an Example of our Scientific and Spiritual Heritage." Central Asian Journal of Literature, Philosophy and Culture 3.6 (2022): 176-181. <https://www.cajlpc.centralasianstudies.org/index>.
8. Buranova, Jamila. "Mythopoeics in Khurshid Dustmukhammad's Creation: Mythopoeics in Khurshid Dustmukhammad's Creation." Central Asian Journal of innovations and research 1 (2021). <http://www.sciencepublish.org/index>.
9. Мурадова Х.Б. Образ детства в сказках Корнея Чуковского и Хамида Алимджана: сравнительный анализ. Volume: 4 Issue: 3 | Mar-2025 ISSN: 2720-6874 <http://journals.academiczone.net/index.php/ijfe>

